

Глава V СОРАЗМЕРНОСТЬ

Ник Фоушин

1. ОТНОСИТЕЛЬНЫЙ ПРИНЦИП

Принцип *соразмерности* относителен. Само по себе ничто не является соразмерным. Скорее, нечто является соразмерным только относительно чего-то другого. Например, в юриспруденции часто говорят, что наказание должно быть соразмерным преступлению (т.е. должно определенным образом соотноситься с ним). Не всегда ясно, что это означает, но почти все согласны с тем, что будет несоразмерным (т.е. несправедливым), если человека осудят на смертную казнь за совершенное в первый раз преступление в виде угона автомобиля. Однако многие согласились бы с тем, что заключение этого человека на определенный срок в тюрьму является соразмерным наказанием. Подобным образом вознаграждение молодого человека миллионом долларов за оказание помощи переходящей улицу старушке тоже было бы несоразмерным, а вот высказанная ему благодарность была бы уместной. Еще один пример. За то, что солдат подвергал свою жизнь большому риску и благодаря этому спас жизни многих своих товарищей, просто похвалить его на словах (например, сказав ему: «Отличная работа!»), несомненно, было бы несоразмерным, но наградить его за это медалью и (или) повышением в звании было бы очень кстати.

Когда речь идет о той части теории справедливой войны, которая связана с *jus ad bellum*, то одинаково легко обнаружить реальные и воображаемые примеры несоразмерности. Для государства было бы несоразмерным начать «большую» войну лишь из-за того, что несколько пьяных солдат другой стороны случайно забрели за линию границы. Также было бы несоразмерным начать «большую» или даже «небольшую» войну из-за пограничного спора, связанного с дюжиной (или около того) домов, или из-за спора по поводу прав на рыбную ловлю в небольшом регионе океана. Несколько труднее найти примеры соразмерности. И все

Москва: Гардарики, 2002

же общепризнанно, что соразмерный ответ — начать войну будет в случаях, когда относительно сильное государство подвергается нападению со стороны в равной степени сильного государства или когда очень сильное государство отвечает на нападение относительно сильного государства на слабого союзника (например, случай войны в Персидском заливе 1990—1991 гг.).

Но даже если эти интуитивные суждения о начале войны трактуются как непроблематичные, применение принципа соразмерности требует большей ясности и точности. В противном случае эти суждения о войне примут субъективный характер. Кроме того, без ясно и точно сформулированного принципа было бы, по-видимому, практически невозможно вынести более трудные решения о том, вступать в войну или нет.

Первое явное упоминание этого принципа встречается в Древнем Китае. Возможно, самым известным китайским поборником этого принципа был Мо-цзы¹. Этот философ и знаток практики ведения войны совершенно естественно был озабочен потерями и выгодами, поскольку в основе его этики лежал *утилитаризм* — теория, защищающая максимизацию пользы и минимизацию потерь для всех тех, кого затрагивают любые предпринимаемые действия. В ранний период становления традиции справедливой войны в христианстве на принцип соразмерности не обращали достаточного внимания. Августина и многих его последователей больше волновал принцип добрых намерений. Гораздо позже Фома Аквинский сделал ссылку на соразмерность, но он не трактовал ее как главный принцип наряду с такими принципами, как принцип легитимной власти, правого дела или добрых намерений². Однако ко времени Гуго Гроция принцип соразмерности уже основательно внедрился в теорию справедливой войны³.

К сожалению, ни в древней, ни в современной литературе мы не найдем четко сформулированного принципа соразмерности. Многие авторы говорят об этом принципе, не определяя ясно его

¹ *Mo Tzu*. Basic Writings [III, Section 19] / Trans. by B. Watson. N.Y., L.: Columbia University Press, 1963. P. 52—61.

² *Aquinas St.Th.* The Summa Theologica, II—II, Q 42, A 2, O 3. / Trans. by Fathers of the English Dominican Province. Chicago, L., Toronto, Geneva, Sydney, Tokyo, Manila: William Benton Publisher, Encyclopaedia Britannica Inc., 1952. P. 584// <http://www.newadvent.org/summa/304202.htm>.

³ Гроций Г. О праве войны и мира. Кн. II, гл. XXIII, § VI. Указ. соч. С. 539.

суть¹. Они просто называют этот принцип, а затем начинают применять его в обстоятельствах *jus ad bellum*, как будто все понимают его значение. Для такой уклончивости есть серьезное основание. В действительности, доказуемую версию этого принципа трудно сформулировать. Означает ли он то, что хорошие последствия вступления в войну должны быть равноценны плохим или должны превосходить их? Или он означает, что хорошие последствия развязывания войны в сравнении с плохими должны быть на две трети больше последних, или по крайней мере на три четверти, или еще на сколько-нибудь?

В этой связи следует обратить внимание на то, насколько бесполезно это в тех (редких) случаях, когда комментаторы пытаются объяснить этот принцип. В пастырском послании Национальной конференции католических епископов США этот принцип объясняется следующим образом: «Причиняемый войной ущерб и вызываемые ею потери должны быть соразмерны пользе, ожидаемой в результате того, что стороны взялись за оружие...»². Подобным образом Шелдон Коэн уверяет нас, что суть этого принципа состоит в следующем: «ущерб, причиняемый военными действиями, должен быть соразмерным достигаемому эффекту»³. В этих формулировках, далеких от прояснения сути соразмерности, просто используется слово «соразмерность», которое еще необходимо объяснить. Мнение Пола Рамсея в этом смысле оказывается более полезным. Он говорит, что государство достигнет соразмерности, когда «будет осуществлено блага больше, чем погублено, или же будет предотвращена бóльшая мера зла»⁴. Ту же мысль У.В. О'Брайен выражает таким образом: «Возможное благо, которое может быть достигнуто посредством успешного применения вооруженной силы во исполнение принципа правого дела, должно перевешивать то возможное зло, которое будет порождено войной»⁵. Мысль заключается в том, что если вероят-

¹ См. *Christopher P.* The Ethics of War and Peace. 2nd ed. Upper Saddle River, N.J.: Prentice Hall, 1999; *Kelsay J.* Islam and War. Louisville KY: Westminster: John Knox Press, 1993; *Walzer M.* Just and Unjust War. N.Y.: Basic Books, 1977.

² U.S. Catholic Bishops. The Just War and Non-Violence Positions // War, Morality and the Military Profession. 2nd ed. / Ed. by M.Wakin. Boulder CO: Westview Press, 1986. P. 248.

³ *Coben S.* Arms and Judgment. Boulder, CO: Westview Press, 1989. P. 39.

⁴ *Ramsey P.* Just and Unjust War. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1968. P. 195.

⁵ *O'Brien W.V.* The Conduct of a Just and Limited War. N.Y.: Praeger, 1981. P. 27.

ность положительных последствий перевешивает отрицательные на 51% и более, в то время как вероятность отрицательных последствий сохраняется в 49% случаев и менее, то при прочих равных условиях допустимо начинать войну. Очевидно, для Рамсея и О'Брайена даже соотношение 50:50 не является достаточным для того, чтобы послать войска в бой.

Однако подобная формулировка ставит проблему, которая вызывает сомнение в приведенном выше толковании данного принципа. Даже если бы принцип соразмерности можно было как-то точно сформулировать, разработав конкретное руководство относительно того, когда можно идти на войну, его слабым местом останется проблема измерения. Какой смысл говорить о 51, 52 или 53% вероятности получения положительного результата, если часто трудно предугадать, будет война длиться несколько недель или несколько лет? Вспомним, например, о Гражданской войне в США и о Первой мировой войне. Многие тогда думали, что война «закончится к Рождеству (того года, когда она началась)». Какой смысл в таких измерениях, если часто перед началом войны не ясно даже, кто будет в ней участвовать? Вспомним, например, о Корейской войне. Северная Корея, СССР и Китай, очевидно, были убеждены, что Соединенные Штаты (наряду с государствами — членами ООН) не вмешаются в эту войну. Кроме того, можно задать вопрос, будет ли это война между двумя государствами или между двумя коалициями? Будет ли это локальная или мировая война? Какой оборот примет война в связи с введением новых технологий? Если какое-то государство вступает в войну, то будет ли реально сдержана агрессия в будущем? А если будет, то какая в точности выгода в результате этого будет получена?

Какое же в таком случае место среди всех этих как будто неразрешимых вопросов занимает принцип соразмерности? Следует иметь в виду, что цель теории справедливой войны в разделе *jus ad bellum* заключается в наложении ограничений на начало войны. Тогда из этих вопросов вытекает то, что принцип соразмерности наилучшим образом применим к крайним обстоятельствам. Если количество блага, которым может обернуться война, явно перевешивается количеством зла, то данный принцип не санкционирует начало войны. И наоборот, если очевидно, что благо перевешивает зло, то этот принцип допускает начало войны. Эти виды рекомендаций являются подходящими, потому что из-

мерения могут быть сделаны в тех случаях, когда между тем, что хорошо, и тем, что плохо, существует большая разница. По-разному оценивая благо и вред, принцип соразмерности может справиться с легкими случаями. И, наоборот, в тех случаях, когда результаты измерения ожидаемого блага и зла «слишком близки по значению» или когда из-за недостатка информации эти измерения могут быть осуществлены лишь с величайшими трудностями, принцип соразмерности является, как правило, разрешительным. Лица, обдумывающие возможность вступить в войну, будут говорить себе что-то подобное следующему: «Поскольку нет никаких ясных доказательств запрещения войны, то мы с чистой совестью можем вступить в эту войну». Таким образом, в отношении трактовки простых и не столь простых случаев принцип соразмерности действует в теории справедливой войны во многом подобно принципу вероятности успеха.

2. ЕЩЕ РАЗ О ЛЮКСЕМБУРГЕ И БЕЛЬГИИ

Вспомним описанную в предыдущей главе ситуацию, в которой оказался Люксембург во время Второй мировой войны. Вероятность успеха была нулевой, поэтому, согласно теории справедливой войны, с самого начала вторжения не следовало ничего предпринимать для воспрепятствования продвижению немцев через территорию страны на территорию Бельгии и Франции. Сопrotивление немецкой агрессии в этом случае было бы несоразмерным. Урон, нанесенный полиции, насчитывавшей 300 человек, и гражданскому населению, которое попало бы под обстрел, не компенсировался бы никаким благом.

Положение Бельгии во время Второй мировой войны также описывалось в предыдущей главе. Принцип вероятности успеха и принцип соразмерности позволяли бельгийцам вступить в борьбу. По информации, имевшейся в распоряжении бельгийцев до нападения немцев, бельгийцы могли оценить вероятные потери и выгоды и установить возможность сопротивления немцам. До начала военных действий не было очевидно, что немцы обязательно одержат победу. Скорее, в то время казалось, что у Бельгии и ее союзников была возможность боевыми действиями остановить немецкую агрессию.

Следует прояснить, как производится оценка вероятных потерь и выгод и как в данном случае бельгийцы могли полагать, что

большее благо будет достигнуто, если оказать немцам сопротивление, чем в результате капитуляции. Подобно принципу вероятности успеха, принцип соразмерности является мерой общей пользы и вреда. Ни один из этих принципов не оценивает пользу и вред с точки зрения только одной стороны. Скорее, они оба принимают в расчет интересы каждой стороны, в том числе интересы потенциального врага. Таким образом, оба принципа как таковые являются этическими. Считается, что война является справедливой (при всех прочих равных условиях), если участие в ней, вероятно, принесет больше общей пользы, чем вреда. В этом смысле единственное благо, достигаемое тем, что бельгийцы и их союзники оказали сопротивление немцам, заключается в том, чтобы преподать немцам урок и показать им, что агрессия чревата потерями. Усвоение этого урока может быть болезненным, но, в конце концов, предполагается, что для немцев это полезно. Этот урок полезен также тем государствам, которые не участвовали во Второй мировой войне, а наблюдали агрессию со стороны. Кроме того, считается, что Вторая мировая война была справедливой, поскольку она способствовала сохранению независимости народов Бельгии, Франции, Великобритании, Люксембурга и Нидерландов. Она была справедлива также потому, что сохранилась независимость других народов, которые могли бы стать жертвами агрессии, если бы не было ясно продемонстрировано, что за агрессию всегда наступает расплата. Таким образом, во внимание принимаются благо и ущерб всех народов.

3. «МИНИ» И «МАКСИ»

При оценке применимости принципа соразмерности к сценарию оккупации государства «Мини» государством «Макси» принимаются во внимание также благо и ущерб каждой стороны. «Макси» оккупировало «Мини», но нужно вспомнить, что «Мини» не оказало ему военного сопротивления. Вместо этого «Мини» для борьбы с «Макси» решило использовать стратегию гражданской обороны (civilian-based defense). Учтем, что даже в том случае, если бы «Макси» было либеральным, то мирное население «Мини», как и военные «Макси», понесло бы потери. Это тем более произошло бы в том случае, если бы политика «Мини» в какой-то своей части была направлена на поддержку забастовок, которые

парализовали бы ее экономику. Разумеется, проведение забастовок не могло быть продуктивно, поскольку при этом мирное население «Мини», вероятно, пострадало бы больше, чем военные «Макси». В конце концов, «Макси» могло бы ввозить провиант, одежду, жилища для своих военных и, таким образом, свести на нет отрицательные для себя последствия забастовок. Но у населения «Мини» нет такого же легкого доступа к этим жизненно необходимым ресурсам.

В любом случае принцип соразмерности санкционировал бы гражданскую оборону правительства «Мини» только в том случае, если для всех заинтересованных сторон общее благо превысит общий ущерб. Следовательно, она была бы санкционирована в том случае, если бы не пострадали чрезмерно народ «Мини» и военные «Макси», а также если бы «Мини» в конце концов удалось бы убедить правительство «Макси» вывести свои войска. Можно предположить, что если «Мини» имеет дело с либеральным правительством «Макси», то потери с каждой стороны не будут слишком велики и вероятность успешного прекращения агрессии может быть весьма высокой. Какие при этом возможны потери и какова вероятность успеха — это зависит, вероятно, от того, насколько решительно «Макси» настроено удерживать в своих руках завоевания, полученные в результате оккупации «Мини».

Однако если «Мини» имеет дело с авторитарным «Макси», то расчеты потерь в сравнении с выгодами и вероятность успеха, вероятно, будут совершенно другими. За политику гражданского неповиновения «Мини» заплатить высокую цену — страдания населения, и меньшая вероятность того, что ему удастся убедить «Макси» покинуть страну. Но, как и в других приведенных выше случаях, расчеты здесь затруднительны, если не сказать, сильно затруднительны. В конце концов, политика гражданской обороны связана с истощением участников. Она достигает цели или терпит неудачу, но через длительное время; в этом случае чем дальше в будущее мы стараемся заглянуть, тем менее определенными становятся наши оценки того, что случится.

Существует дополнительный фактор, который может очень сильно усложнить ситуацию. Имея дело с авторитарным «Макси», руководство «Мини», вероятно, обнаружит, что какая-то часть населения становится все менее управляемой. Поскольку запасы продовольствия уменьшаются и от этого страдают дети, некоторые

граждане могут прийти к мнению, что они должны делать нечто больше, чем просто участвовать в политике гражданского неповиновения. Они могут решить взяться за оружие и начать партизанскую войну. В этой ситуации расчеты соразмерности и вероятности успеха становятся практически бессмысленными. Например, каким образом разработчики политики гражданской обороны «Мини» могли бы еще до вторжения спрогнозировать, в какой момент их политика перерастет в партизанскую войну?

Прежде чем закончить рассмотрение различных сценариев отношений государств «Мини» и «Макси», нужно рассмотреть еще один вопрос. Принципы *вероятности успеха* и *соразмерности* не являются единственными принципами теории справедливой войны, которые здесь можно применить. Например, принцип *правого дела* действует так, что «Мини» может сослаться на него для того, чтобы объяснить, почему оно реагирует на действия «Макси» именно таким образом. Кроме того, принцип *легитимной власти* действует постольку, поскольку правительство санкционировало ту политику гражданской обороны, которую приняло население «Мини». Согласно принципу *добрых намерений*, «Мини» проводит политику гражданской обороны, чтобы избавиться от захватчика. Наконец, действует еще и принцип *крайнего средства*. Политика гражданской обороны принимается «Мини» только после того, как были рассмотрены все альтернативы возможного ответа на вторжение «Макси», в том числе и вооруженного сопротивления.

4. РАСХОЖДЕНИЕ МЕЖДУ ПРИНЦИПОМ ВЕРОЯТНОСТИ УСПЕХА И ПРИНЦИПОМ СОРАЗМЕРНОСТИ

Примеры, которые рассматривались в этой и предыдущей главах, предполагают, что суждения, выраженные с помощью принципов вероятности успеха и соразмерности, близки. Там, где один принцип гласит, что государство (или группа людей) должно вступать в войну, другой принцип утверждает то же самое. Там, где один принцип не рекомендует войну, о том же говорит и другой. Единственным возможным исключением является пока случай революции на Кубе, возглавлявшейся Кастро (см. предыдущую главу). Было доказано, что в данном случае, возможно, нет необходимости придерживаться принципа вероятности успеха.

Этот принцип неприемлем по отношению к революционным движениям, какими бы идеями они ни вдохновлялись, если принимать стандарт, которому могут отвечать только национальные государства.

Однако можно было бы доказать, что Кастро и его сподвижники-революционеры могли и должны были выполнить требования принципа соразмерности. В то время казалось, что свержение режима Батисты принесет больше добра, чем зла. Этот режим отнял у рабочего класса право на забастовку, упразднил кубинский парламент, запретил политические партии, бросил в тюрьмы и казнил множество тех, кто выступал против режима; он был чрезвычайно коррумпированным, и деньги текли в руки чиновников, а не на нужды народа. Еще в 1952 и 1953 гг. можно было сделать обоснованный расчет, показывавший, что кубинскому народу будет лучше жить без коррумпированного режима Батисты. Как показывали расчеты соразмерности, без режима Батисты было бы лучше даже в том случае, если бы в результате его свержения произошла кровопролитная гражданская война. Так что в данном случае между двумя обсуждаемыми принципами нет соответствия. Один принцип «молчит» (и должен «молчать»), в то время как другой «говорит», что участие в войне является оправданным.

Первая мировая война дает более яркий пример расхождения этих двух принципов. Рассмотрим роль четырех главных сторон в этой войне — Германии, Великобритании, Франции и России. Каждая из них могла предполагать, что ее действия соответствуют требованиям принципа вероятности успеха. Так, у Германии была крупная, хорошо обученная и экипированная армия и мощный военно-морской флот, уступающий по мощи только флоту Великобритании. Кроме того, Германия разработала «план Шлиффена», согласно которому ее армия должна была вторгнуться во Францию, как только для Германии появится благоприятная возможность двинуться в этом направлении. Известна была и слабость этого плана¹, однако немецкая армия была достаточно грозной, поэтому была высока вероятность ее успеха даже в том случае, если бы она воевала с Францией и Россией одновременно.

Что касается французской армии, то при столкновении с потенциальным врагом с востока ее превосходство в силе не было

¹ *Keegan J. The First World War. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1999. P. 20—46.*

очевидно. Как и немецкая армия, она была крупной, насчитывавшей несколько миллионов солдат и хорошо обученной армией. Кроме того, Франция заключила такой договор с Россией, по которому в том случае, если любое из этих двух государств подвергнется нападению, то другое должно прийти ему на выручку. Что касается России, то ее военные силы не были столь хорошо экипированы и, возможно, не столь хорошо подготовлены, как французские или немецкие. Однако численность населения России такова, что она могла бы практически бесконечно посылать на фронт подкрепление. Кроме того, как обнаружил Наполеон и еще предстояло позже обнаружить Гитлеру, у России такая огромная территория, что она легко может поглотить любую вторгшуюся армию. Что касается Великобритании, то ее армия не приступила бы к военным действиям, не сотрудничая с Францией. Хотя британская армия меньше по численности в сравнении с главными континентальными армиями, она обладала высокими боевыми качествами. Она получила боевое крещение в кровавой англо-бургской войне и лучше, чем большинство других армий, знала, какими потерями чревата современная война¹.

Таким образом, у всех четырех государств были основания полагать, что в большой европейской войне они смогут достичь успеха или, по крайней мере, сохранить свои позиции. Могло оказаться, что одно или, может быть, два из них ошибались в этой оценке. Но в самом начале войны оценка каждого государства, согласно которой оно может соответствовать требованиям принципа вероятности успеха, была обоснованной.

Однако что теперь можно сказать о принципе соразмерности? Могли ли лидеры этих стран ожидать, что потери в войне будут больше, чем выгоды? Очевидно, большинство из них так не считали. Может быть, так в их взглядах проявилась национальная гордость, может быть, невозможно было сопротивляться взрыву патриотизма нации, обусловленного войной, или, может быть, руководство этих стран настолько утратило контроль над событиями, что один шаг по направлению к войне неизбежно приводил к другому.

Но если бы они контролировали тенденцию сползания своей страны к войне и, пользуясь случаем, применили бы принцип

¹ Keegan J. Op. cit. P. 98.

соразмерности, то, возможно, Первой мировой войны не было бы. Войны, предшествовавшие этой великой войне, ясно свидетельствовали о том, что современные войны чрезвычайно кровопролитны. Русско-японская война (1904—1905) ясно показала, что современное вооружение, в том числе скорострельные многозарядные ружья, пулеметы, мощная артиллерия, а также крупные армии и военно-морские флоты могут стать причиной ужасающего числа потерь¹. Несомненно, русские, как и японцы, усвоили этот урок. А британцы, немцы и французы посылали на эту войну своих наблюдателей. Кроме того, хотя они и не участвовали в боях, но могли выявить тенденции современной войны — большие потери. У британцев, как уже отмечалось, был также недавний опыт боев в англо-бурской войне² и других колониальных войнах. Они знали, насколько опасным может быть огонь из современного нарезного оружия, поэтому, когда началась Первая мировая война, они рыли глубокие окопы, чего бельгийские, французские и немецкие солдаты поначалу не делали. Таким образом, признаки надвигающейся катастрофы были налицо. С появлением нового и более смертоносного оружия, которое могут использовать миллионы солдат, обращение к принципу соразмерности должно было заставить государства задуматься, прежде чем вступить в большую войну с участием множества стран. Каждое государство могло бы самостоятельно решить, что оно для себя добилось бы успеха, если бы вступило в большую войну, но отдельный расчет, основанный на принципе соразмерности, послужил бы предупреждением, что цена большой войны может оказаться слишком высокой.

Таким образом, хотя принципы вероятности успеха и соразмерности большей частью дают сходные результаты, в общем они являются разными принципами. Они сходны по учету последствий для *каждой* стороны и трудностям применения. Слабым местом как одного, так и другого принципа является оценка. Часто невозможно удовлетворительно оценить вероятность успеха или соразмерность. Их объединяет также то, что они — второстепенные принципы. Оба принципа пытаются измерять пользу и вред, основываясь на том, что говорит принцип правого дела. Если этот принцип говорит об ответе на агрессию, то вероятный успех

¹ *Edgerton R.B. Warriors of the Rising Sun: A History of the Japanese Military.* N.Y., L.: W.W. Norton & Co, 1997. P. 179—180.

² *Keegan J.* Op. cit. P. 98.

следует оценивать с точки зрения того, насколько агрессор был ослаблен или понес поражение. Подобным образом, оценка соразмерности говорит о том, что польза от вступления в войну частично должна быть связана с избавлением от агрессора и сдерживанием его от агрессии в будущем.

Несмотря на сходство этих двух принципов, они различны. Принцип вероятности успеха эже по масштабу. Он касается только достижения цели (соответствия требованию некоего правового дела) обсуждаемой войны и не принимает во внимание общие потери при достижении этой цели. Это учитывает принцип соразмерности, который требует ответа на вопрос: если даже успех в войне возможен, стоит ли этот успех ожидаемых потерь? Как мы уже видели, бывают случаи, когда применение принципа соразмерности приводит к отрицательному ответу на вопрос о целесообразности начала войны при том, что по критерию вероятности успеха война может быть оправдана.